

Алисия Старлайт

Обязательство северной звезды

Алисия Старлайт

Обязательство северной звезды

«Автор»
2025

Старлайт А.

Обязательство северной звезды / А. Старлайт — «Автор», 2025

Капризная дипломатка Сикорд по роковой ошибке скована магическим Обязательством с суровым оборотнем-генералом, охраняющим северные рубежи. Ненавидя друг друга, они вынуждены вместе расследовать заговор, угрожающий королевству. Чтобы выжить, им придётся научиться доверять — но магия их связи оказывается сильнее и опаснее, чем они предполагали. Истинный враг не спешит раскрывать себя, а старые союзники таят предательство. Смогут ли лёд и пламя этой вынужденной связи сокрушить древнее зло, или сами станут его жертвой? Первая книга серии "Хроники Стальной Заставы".

© Старлайт А., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Золотая клетка 7
Глава 2. Камень правды 9
Глава 3. Неразрывная узы 11
Глава 4. Приговор 13
Глава 5. Прощание с шелком 15
Глава 6. Первая миля 17
Глава 7. Ночь в лесу 19
Глава 8. Урок бдительности 21
Глава 9. Врата льда 23
Глава 10. Первый ужин 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Алисия Старлайт
Обязательство северной звезды

Пролог

Ледяной ветер, пахнущий хвоей и острием стали, впивался в обветренное лицо. Риата Стар стоял на зубчастой стене Крайней Заставы, впитывая ночь всеми чувствами, данными ему и человеком, и зверем. Здесь, на краю цивилизации, воздух был чистым ядом правды. Не было места лживым улыбкам и сладким речам столичных салонов. Здесь выживал только тот, кто чувствовал ложь кожей, кто слышал обман в шепоте метели.

Его королевство было у его ног – не в мраморных дворцах на юге, а здесь, в этом сумеречном мире скал, вековых лесов и молчаливых солдат. Он был его генералом, его стражем и его проклятием. Годы смыли с него шелуху юношеских идеалов, оставив лишь стальную сердцевину долга. Долга, который весил больше горной цепи, разделявшей Север и сытое, равнодушное королевство.

Внизу, за частоколом, темнел лес. Тишина была неестественной, приглушенной, словно сама тайга затаила дыхание. Не было слышно ни войн, ни переклички ночных птиц. Тишина-ловушка. Риата знал ее слишком хорошо. Его зверь, дремлющий под кожей, тревожно ворочался, улавливая сквозь мили льда и камня отзвук чуждой магии. Не дикой, природной, к которой он привык, а острой, металлической, пахнущей ритуалом и человеческим расчетом.

Он закрыл глаза, позволив внутреннему зрению обостриться. Картина предстала в оттенках серого и синего. Теплые пятна жизни в казармах за спиной. Холодные камни под ногами. И там, в глубине леса – резкий, ядовито-фиолетовый всплеск. Не одно существо, а несколько. Двигались не как звери, с грацией хищников, а угловато, почти механически, будто куклы на невидимых нитях.

«Снова», – с беззвучным рычанием подумал он. Это была уже третья такая вылазка за месяц. Не полноценная атака, а разведка. Зонд. Кто-то изучал оборону, проверял на прочность, искал слабые места. И этот кто-то использовал магию, которую ни один из его шаманов не мог опознать.

Внезапно фиолетовые всполохи метнулись вперед. Тени отделились от стволов и устремились к стенам с немыслимой для живого существа скоростью. Риата не крикнул тревогу. Он обнажил свой клинок, и низкий, гортанный рык сам по себе стал сигналом для его людей. На стенах тут же замерцали факелы, послышались крики командиров, лязг оружия.

Он не ждал. С силой, способной согнуть сталь, он оттолкнулся от парапета и прыгнул вниз, в кромешную тьму. Падение заняло мгновение. В воздухе его тело изменилось – кости с хрустом перестроились, мышцы вздулись, кожа покрылась густой серой шерстью. На землю перед частоколом уже приземлился не человек, а огромный, свирепый волк с глазами, горящими холодным янтарем.

Его первая атака была слепой яростью. Когти и клыки разорвали первую тварь пополам. Она не закричала. Из нее хлынула не кровь, а черная, вонючая жижа, и тот самый фиолетовый свет на мгновение ослепил его. Магия. Только магия. Ни плоти, ни души.

Он бился с яростью, рожденной от отчаяния. Его солдаты сражались рядом, их сталь встречалась с магическими когтями тварей. Риата чувствовал их страх, но и их веру – веру в него. Они были его семьей, его стаей. И он вел их на убой против призраков, против тени, которую не мог ухватить.

Когда последняя тварь рассыпалась в клубке черной дымки, наступила тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием людей и его собственным рычащим псом. Он снова стоял на

двух ногах, его одежда была изорвана, тело в ссадинах, пахнущее чужим колдовством и своей яростью.

Он посмотрел на лица своих солдат. Усталость, страх, облегчение. Они победили. Снова. Но каждая такая «победа» была поражением. Он не мог защитить их от того, чего не понимал. Он был генералом, призванным сражаться с плотью и кровью, а не с чарами.

Он поднял глаза к звездам, холодным и безразличным. Он нуждался в помощи. Не в новых солдатах, а в знаниях. В дипломате, в маге, который разбирался бы в придворных интригах и забытых культах. Но что он получил от столицы в ответ на свои настойчивые просьбы? Вежливые отписки. Обещания «разобраться». Насмешки за спиной о «параноидальном оборотне».

Глубокая, ледяная ярость поднялась в нем. Они оставляли его одного. Бросили на краю света сжигать свою душу в бесконечной войне с тенью. Он повернулся спиной к лесу и пошел к воротам крепости. Его власть заканчивалась у этих стен. Его слово ничего не значило в позолоченных залах.

Но если тень протянула свои щупальца из самой столицы… тогда ему придется найти способ дотянуться туда самому. Или дождаться, когда эта тень придет к нему в облике какого-нибудь напыщенного дипломата. Мысль об этом была горше самого лютого мороза.

Он вошел в свою резиденцию, хлопнув тяжелой дверью. Снаружи осталась только ночь, да звезды, что были свидетелями его бессилия. И тишина, которая снова сгущалась, готовясь к следующему удару.

Глава 1. Золотая клетка

Солнечный зайчик поймал в свое зеркальце пылинку, танцующую в воздухе, и Сикорд Вальсер с наслаждением наблюдала за этим микроскопическим балетом. Скука. Блаженная, роскошная, знаковая скука благополучной жизни. Она потянулась на шелковистой простыне, слушая, как за окном ее личных апартаментов поют экзотические птицы из оранжереи дяди.

Ее мир был отточен, как грань хрустального бокала. Каждое утро – уроки продвинутой дипломатии и истории магических династий. Каждый обед – легкий флирт с сыновьями влиятельных семей под аккомпанемент фонтанов. Каждый вечер – подготовка к великому будущему, которое было расписано как нотная партитура: блестящий выпуск, место в Министерстве иностранных дел, выгодный брак.

Сикорд перевернулась на спину, рассматривая изысканную лепнину на потолке. Ее кукольное личико с большими васильковыми глазами и аккуратным носиком-пуговкой было ее главным оружием. Оно вызывало желание оберегать и потакать. И она мастерски этим пользовалась. Пару слезинок – и сложнейший экзамен переносился. Милая, слегка капризная улыбка – и опоздание на важную встречу списывалось на юную непосредственность. Она была любимой племянницей ректора Академии, и этот статус был прочнее любой брони.

В дверь постучали. «Войдите, Лира», – лениво бросила Сикорд, не поворачивая головы.

Горничная, похожая на испуганного кролика, проскользнула внутрь. «Мисс Сикорд… Ваш дядя просит вас в библиотеку. Срочно».

В голосе Лиры прозвучала тревожная нота. Сикорд нахмурила свои идеально очерченные брови. «В библиотеку? Сейчас? У меня через час практика магического этикета».

«Он сказал, что это не терпит отлагательств. Кажется, это касается… генерала Стар».

Сикорд села на кровати, и скука мгновенно испарилась, сменившись любопытством. Генерал Стар. Тот самый суровый оборотень с Севера, о чьей жестокости ходили легенды. Он был в Академии уже пару дней, и его появление взбудоражило всех. Грубый, неотесанный, он ходил по коридорам как призрак с того света, а его взгляд, холодный и оценивающий, заставлял даже самых заносчивых студентов смолкать.

На днях на приеме она, поддавшись всеобщему настроению и подстрекаемая подругами, позволила себе колкость в его адрес. Что-то про то, что «диких псов нужно держать на цепи подальше от фарфора». Он, кажется, услышал. Его взгляд скользнул по ней, быстрый и безразличный, как удар хлыста. И почему-то именно это безразличие задело ее сильнее, чем гнев.

«Хорошо, я иду», – вздохнула Сикорд, соскальзывая с кровати. Она подошла к гардеробу, выбирая платье – не слишком официальное, чтобы не выглядеть подобострастно, но и не слишком легкомысленное, чтобы дядя остался доволен. Остановилась на платье цвета морской волны, подчеркивающем ее глаза. Каждое действие – часть дипломатии.

Она шла по сияющим мраморным коридорам Академии, кивая знакомым. Ее окружал привычный гул голосов, смех, запах пергамента и магических эликсиров. Это был ее мир, где она чувствовала себя уверенно, как рыба в воде. Мысль о том, что где-то есть место, лишенное этой утонченности – место, где правят ветер, сталь и животный страх, – казалась ей абстракцией, страшилкой из книжки.

Дверь в личную библиотеку ректора была приоткрыта. Сикорд вошла без стука. Дядя, высокий и сухопарый человек с умными, уставшими глазами, стоял у окна, нервно теребя перо.

«Сикорд, садись», – сказал он без предисловий. Его голос был напряжен.

«Что случилось, дядя? Этот генерал опять на что-то жалуется?» – она опустилась в кресло, изящно поправляя складки платья.

«Жалуется? – ректор горько усмехнулся. – Он ставит ультиматумы. Требует предоставить ему дипломатического помощника, сведущего в столичных интригах. Утверждает, что на Севере пахнет заговором, а мы тут сидим сложа руки».

«И кого же он себе присмотрел? Профессора Альбана?»

«Нет. – Ректор посмотрел на нее прямо. – Он никого не присмотрел. Но Военный совет… Совет считает, что ему нужен кто-то молодой, не обремененный связями. Кто-то, кто мог бы стать его… глазами и ушами в нашем мире. И его цепью, которая удержит от чрезмерной самостоятельности».

Ледяная струйка страха пробежала по спине Сикорд. «Что ты хочешь сказать?»

«Я говорю о том, что твое имя прозвучало на совете, Сикорд. Как кандидатура. Ты умна, талантлива, твое происхождение безупречно. И ты… близка к завершению обучения».

«Ты не можешь быть серьезен! – вырвалось у нее. Она вскочила. – Отправить меня на этот проклятый Север? К этому… зверю? Это безумие! Я дипломат, а не нянька для озлобленного оборотня!»

«Я сделаю все, чтобы этого не допустить, – поспешно сказал ректор. – Но давление велико. Стар герой в глазах армии. Отказывать ему напрямую – значит наживать врагов. Тебе нужно быть идеальной. Абсолютно. Никаких опозданий, никаких легкомысленных выходок. Никаких колкостей в адрес генерала. Твоя задача – доказать, что ты слишком ценный кадр, чтобы отправлять его в такую глушь. Понятно?»

Сикорд кивнула, сжав кулаки. Ее идеальный мир дал трещину. Сквозь нее задул ледяной ветер с чужих, враждебных земель.

«Хорошо, – прошептала она. – Я буду идеальной».

Но внутри все кричало от возмущения. Мысль о том, что ее судьбой играют, как пешкой, была невыносима. Этот дикарь, Стар, даже не подозревал, как близко он подошел к тому, чтобы разрушить все, что она так тщательно выстраивала.

Она вышла из кабинета, но солнечный свет уже не казался ей таким ярким. Ее золотая клетка внезапно обрела реальные решетки. И где-то за ними рычал зверь.

Глава 2. Камень правды

Воздух в архивном отделе Главной библиотеки Академии был особым – густым, настоянным на пыли веков и сладковатом запахе ветшающего пергамента. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь высокие витражные окна, освещали бесчисленные стеллажи, уходящие в полумрак. Здесь хранились не просто книги, а наследие эпох, и тишина была настолько гнетущей, что казалось, будто само время застыло в почтительном ожидании.

Сикорд шла по знакомому маршруту, ее легкие туфли бесшумно ступали по дубовому полу. Дядя дал ей поручение – отобрать для генерала Стара несколько трудов по северным пограничным договорам. «Прояви усердие и нейтралитет, – напутствовал он. – Пусть видит в тебе компетентного специалиста, а не легкомысленную девицу».

Она нахмурилась, вспомнив этот разговор. Нейтралитет. По отношению к человеку, чье присутствие в стенах Академии ощущалось как вторжение дикого зверя в ухоженный сад. Вчера она видела его в столовой – он сидел один за дальним столом, игнорируя предложенное изысканное угощение, и ел простой хлеб с мясом, привезенное с собой. Его игнорирование правил и условностей было вызывающим.

Погруженная в мысли, она свернула за угол и замерла. В проходе между стеллажами, спиной к ней, стояла высокая, широкая в плечах фигура в простом темном мундире. Генерал Стар. Он не двигался, его внимание было приковано к толстому фолианту в потрепанном кожаном переплете.

Сикорд сделала шаг назад, надеясь незаметно ретироваться, но ее выдал скрип половицы. Риата Стар повернул голову. Его взгляд, тяжелый и пронзительный, упал на нее. В библиотечной тишине его глаза казались еще более пронзительными, цветом холодного янтаря, лишенными всякой теплоты.

«Мисс Вальсер, – его голос был низким и глухим, он не прозвучал громко, но отозвался в тишине гулким эхом. – Вы здесь по тому же делу, что и я? Ищете доказательства моей паранойи?»

Он закрыл книгу с глухим стуком, поднимая облачко пыли.

Сикорд выпрямила спину, принимая безупречно вежливое выражение лица. «Генерал. Ректор поручил мне подобрать для вас материалы по договорам. Я не сомневаюсь в вашей бдительности, я лишь выполняю поручение».

Уголок его рта дрогнул в подобии усмешки. «Бдительность. Красивое слово для того, чтобы назвать ежедневное противостояние тому, что вы, столичные, даже представить себе не можете».

Он сделал шаг вперед, и Сикорд инстинктивно отступила. Он был значительно выше ее, и его физическая мощь ощущалась даже на расстоянии.

«Ваш дядюшка, должно быть, очень обеспокоен, раз решил приставить ко мне свою лучшую ученицу, – продолжал он, и в его голосе зазвучала ядовитая насмешка. – Надеется, что вы сможете меня «цивилизовать» перед тем, как я вернусь к своим волкам?»

Гнев, горячий и стремительный, вспыхнул в Сикорд. Эта снисходительность! Это пренебрежение!

«Моя задача – предоставить информацию, генерал, а не давать уроки поведения, – ответила она, и лед в ее голосе мог бы соперничать с морозами его Севера. – Хотя, полагаю, некоторые из них вам бы не помешали».

Их взгляды скрестились, и между ними пробежала искра открытой вражды. Риата изучал ее с холодным любопытством, словно рассматривал интересный, но абсолютно бесполезный артефакт.

«Информация, – повторил он. – Хорошо. Тогда покажите мне что-нибудь действительно ценное. Не эти официальные трактаты, написанные придворными лжецами. Покажите мне то, что хранит память о настоящей магии. О древних законах, которые были сильнее печатей королей».

Он жестом указал на дальний, самый темный угол архива, где хранились древнейшие и наименее изученные манускрипты. Сердце Сикорд екнуло. Там лежали вещи, с которыми было опасно шутить. Но бросить вызов его сомнению было выше ее сил.

«Как пожелаете, – сказала она, проходя мимо него и направляясь вглубь архива. – Но предупреждаю, древняя магия не терпит неуважения».

Она подошла к небольшой витрине, где под стеклом лежали несколько артефактов. Ее взгляд упал на небольшой, отполированный до блеска камень темно-синего цвета, испещренный серебристыми прожилками. Табличка под ним гласила: «Камень Истины Гельмарнов. Принуждает говорящего к абсолютной искренности».

В голове у Сикорд молнией пронеслась мысль, рожденная обидой и желанием доказать свою значимость. Что, если бы этот чопорный генерал, этот тиран, на мгновение утратил контроль над своими словами? Если бы он вынужден был говорить только правду – о своем страхе, о своем бессилии перед лицом неизвестности? Это был бы триумф. Небольшая, изящная месть.

Это было глупо, безрассудно, но жажда хоть какого-то превосходства над ним затмила осторожность.

«Вот, возможно, то, что вас заинтересует, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Она открыла витрину, что было строжайше запрещено, и взяла камень. Он был теплым на ощупь. – Говорят, он позволял древним судьям видеть суть спора».

Риата приблизился, его внимание привлек артефакт. «И как он работает?»

«Нужно просто держать его и задавать вопрос, – солгала Сикорд, прекрасно зная, что камень активируется при взаимном контакте и вопросе, обращенном к другому человеку. Она протянула камень ему. – Попробуйте. Спросите меня о чем-нибудь».

Ее план был прост: он возьмет камень, задаст какой-нибудь свой грубый вопрос, а она, не касаясь артефакта, даст свой обычный, выверенный ответ. А потом она скажет, что камень, должно быть, утратил силу. Небольшая насмешка.

Риата с сомнением посмотрел на камень, затем на нее. Но любопытство, искра интереса к магии, которую он не понимал, пересилило. Его пальцы, большие и покрытые шрамами, коснулись камня.

В тот же миг Сикорд, движимая внезапным порывом, желая завершить розыгрыш, дотронулась до камня кончиками пальцев. Она собиралась сказать: «Видите? Ничего не происходит».

Но слова застряли у нее в горле.

Камень вспыхнул ослепительным синим светом, который заполнил все пространство между ними. Теплая волна энергии прошла через ее руку, впиваясь в самое нутро. Она почувствовала, как ее воля, ее мысли на мгновение смешались с чем-то чужим, твердым и неумолимым, как скала. В ушах зазвучал низкий гул.

Она встретилась взглядом с Риатой. Его глаза были широко раскрыты от шока. Он тоже чувствовал это.

Свет погас так же внезапно, как и появился. Но что-то изменилось. Между ними возникла невидимая нить, тонкая и прочная, как паутина. Сикорд почувствовала легкое, но отчетливое давление в висках, смутный отголосок чужих эмоций – ярость, недоумение, леденящий ужас.

Она отшатнулась, выпуская камень. Он с глухим стуком упал на пол.

Тишина в библиотеке стала абсолютной. Звенящей.

Они смотрели друг на друга, и оба понимали: произошло нечто необратимое. Глупая шутка обернулась катастрофой.

Глава 3. Неразрывная узы

Тишина после вспышки была оглушительной. Она длилась всего несколько секунд, но показалась вечностью. Сикорд смотрела на свои пальцы, все еще ощущая на них жгучую прохладу магии, а затем перевела взгляд на Риату. Его лицо стало маской из чистого, неконтролируемого гнева. Желтые глаза сузились до щелочек, в которых плясали отблески дикого, звериного бешенства.

«Что ты наделала?» – его голос был не криком, а низким, рычащим звуком, исходящим из самой глубины груди. Он казался громовым раскатом в звенящей тишине библиотеки.

Он сделал шаг к ней, и Сикорд инстинктивно отпрянула, наткнувшись на стеллаж. Книги закачались на полках. Она не могла вымолвить ни слова. Ужас сковал горло ледяным обручем. Она чувствовала это – странное, давящее присутствие в своем сознании, словно в ее голове стало на одного человека больше. И этот человек был яростью, облеченной в плоть.

«Я… я не знаю…» – прошептала она, и это была чистая правда. Она ожидала замешательства, может быть, пары неловких фраз. Не этого. Не этой первобытной, осязаемой связи.

«Не знаешь?» – он был уже перед ней, его тень накрыла ее целиком. Он не касался ее, но его близость была физическим ударом. «Ты, дипломат, берешь в руки древний артефакт, не зная его действия? Или это была цель? Привязать к себе генерала королевства какой-то колдовской петлей?»

«Нет!» – крик вырвался у нее сам собой, рожденный обидой и страхом. «Это была ошибка! Глупая, детская шутка! Я хотела… я хотела лишь немного подразнить вас!»

Слова «подразнить» прозвучали в тишине особенно жалко и неуместно. Риата издал короткий, сухой звук, похожий на лай.

«Подразнить?» – он с силой сжал кулаки, и костяшки побелели. Сикорд почувствовала странное напряжение в своих собственных пальцах, отголосок его ярости. Магия связи работала, и это было самое ужасное открытие. «На Севере за такие «шутки» ломают кости. Здесь, видимо, дозволено большее».

Внезапно дверь в архив распахнулась. На пороге стоял запыхавшийся пожилой хранитель, а за его спиной – несколько студентов, привлеченных шумом.

«Генерал? Мисс Вальсер? Что здесь происходит? Мы видели вспышку…» – начал хранитель, но его слова замерли на губах, когда он увидел их лица – разгневанное лицо генерала и бледное, испуганное – ученицы.

Риата резко развернулся к нему, отсекая Сикорд своим телом. «Послать за ректором. Немедленно», – прорычал он, и в его тоне не было места для возражений. Хранитель, побледнев, кивнул и бросился прочь.

Студенты перешептывались, глядя на них с любопытством и страхом. Сикорд чувствовала на себе их взгляды, и жгучий стыд прилил к ее щекам. Она, Сикорд Вальсер, идеальная ученица, оказалась в центре скандала с самим командующим Северной армией. Ее репутация, ее будущее – все рушилось в одно мгновение.

Она попыталась сделать шаг назад, отодвинуться от Риаты, но странное тянущее ощущение в груди не позволило ей. Это было похоже на попытку оторвать магнит от стальной плиты. Чем сильнее она пыталась отстраниться, тем сильнее становилось давление. Она чуть не вскрикнула от неожиданности.

Риата тоже почувствовал это. Он обернулся, и в его взгляде промелькнуло не только ярость, но и быстрое, аналитическое понимание. Он медленно, как бы проверяя гипотезу, сделал шаг в сторону. Сикорд почувствовала, как ее собственное тело непроизвольно двинулось за ним, будто их связывала невидимая веревка.

«Не двигайтесь», – тихо, но властно приказал он ей. В его голосе теперь звучала не только злость, но и холодная решимость человека, оказавшегося в тактическом тупике.

Она замерла, дрожа. Он был прав. Они были пойманы. И не только в физическом пространстве библиотеки.

Вскоре в дверях появился ректор. Его лицо было серым, глаза бегали от Риаты к племяннице и обратно.

«Риата… Сикорд… Что случилось?» – его голос дрожал.

«Спросите вашу блестящую дипломатку о ее «шутках», – бросил Риата, не сводя с Сикорд ледяного взгляда. – Она активировала древний артефакт. И теперь мы связаны. Магически».

Ректор ахнул, его рука потянулась к сердцу. «Связаны? Что это значит?»

«Это значит, – Риата произнес слова медленно и четко, вбивая их как гвозди, – что я не могу отойти от нее дальше, чем на несколько шагов, без… неприятных ощущений. И я чувствую каждую ее эмоцию, как назойливый шум в голове. А она, полагаю, чувствует мои».

Сикорд молча кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Давление в висках усиливалось, и теперь она могла различить за стеной его гнева что-то еще – острое, жгучее беспокойство. Не за себя. За свою заставу, за своих солдат, которых он оставил ради этой поездки. Эта чужая забота о других была неожиданной и от этого еще более пугающей.

«Это… это можно разорвать?» – спросил ректор, и в его голосе звучала мольба.

Риата резко повернулся к витрине с артефактами, его взгляд выискивал табличку с описанием камня. Он нашел ее на полу, рядом с самим камнем, который теперь лежал, как обычный булыжник. Генерал поднял табличку, пробежался глазами по тексту. Лицо его стало каменным.

««Обязательство Честности», – прочел он вслух, и слова повисли в воздухе, словно приговор. – «Древний магический контракт, заключаемый между полководцем и послом перед лицом общей угрозы. Цель – обеспечить абсолютное доверие и совместное разрешение кризиса. Расторгается по выполнении условий контракта или…» – он сделал паузу, и Сикорд почувствовала, как по ее спине пробежал холодок, – «…со смертью одной из сторон».

В библиотеке воцарилась мертвая тишина. Слово «смерть» прозвучало особенно громко.

Общая угроза. Совместное разрешение кризиса. Смерть.

Сикорд смотрела на своего дядю, на испуганные лица студентов, на яростное лицо генерала. Ее мир, такой надежный и предсказуемый, рухнул окончательно. Вместо дипломатической карьеры ее ждала магическая кабала с человеком, который ее ненавидел. И единственным способом освободиться была либо победа над неведомой угрозой, либо гибель.

Она медленно опустилась на ближайший стул, не в силах больше стоять. Ее будущее было перечеркнуто парой необдуманных прикосновений к холодному камню.

Глава 4. Приговор

Кабинет ректора, обычно воплощавший собой солидность и академический покой, сегодня напоминал штаб накануне штурма. Воздух был густым от невысказанных слов и страха. Сикорд сидела в кресле, сжимая в ледяных пальцах подлокотники. Она больше не плакала. Шок сменился глухим, тошнотворным осознанием реальности, тяжелой, как свинец.

Риата Стар стоял у окна, спиной к комнате. Его поза была напряженной, плечи подняты, будто под невидимой тяжестью. Он смотрел на идеальные газоны Академии, но Сикорд, благодаря этой ужасной, новой связи, смутно чувствовала, что он не видит их. Перед его внутренним взором стояли серые стены заставы, заснеженные перевалы и тени, подкрадывающиеся из леса. Его ярость утихла, сменившись холодным, расчетливым отчаянием. И это было страшнее.

За большим дубовым столом, заваленным свитками, сидел не только ректор. Рядом с ним, с выражением лица человека, вынужденного разгребать чужой котлован, расположился сухой, подтянутый мужчина в мундире члена Военного совета – лорд Каэлен. Именно он вел протокол.

«Повторю для ясности, – голос Каэлена был безразличен, как стук счетов. – В результате несанкционированных действий мисс Вальсер активирован артефакт, налагающий магическое «Обязательство Честности» между ней и генералом Старом».

«Несанкционированных… это была ошибка!» – вырвалось у Сикорд, но ее голос прозвучал слабо и потерянно.

Лорд Каэлен бросил на нее беглый взгляд, полный презрения. «Ошибка, которая ставит под угрозу обороноспособность северных рубежей. Генерал Стар теперь привязан к вам, мисс. Его место – на заставе, а не здесь, в качестве компаньона для… легкомысленных учениц».

Риата не повернулся, но Сикорд почувствовала, как по их связи пробежала новая волна гнева, на этот раз направленная на лорда Каэлена.

Ректор поднял дрожащую руку. «Существуют ли процедуры расторжения? Магические дисциплины…»

«Древние законы сильнее наших процедур, Альбан, – отрезал Каэлен. – Как было верно указано, контракт расторгается либо выполнением условий, либо смертью. Совет не может рисковать жизнью генерала. И, разумеется, – он флегматично посмотрел на Сикорд, – жизнью племянницы ректора. Официально».

В его тоне прозвучала неуверенность. Сикорд поняла с леденящей ясностью: если бы на ее месте был кто-то менее знатный, вариант со «смертью одной из сторон» уже рассматривался бы как самый простой и эффективный.

«Значит, условия, – тихо сказал ректор. – Они должны раскрыть заговор и нейтрализовать угрозу».

«Именно. И учитывая, что генерал настаивает на существовании этой угрозы, – Каэлен с легкой иронией посмотрел на спину Риаты, – «Обязательство» предоставляет нам уникальную возможность его… проверить. Генерал Стар возвращается на Северную заставу. Мисс Вальсер сопровождает его в качестве официального дипломатического наблюдателя».

«Нет!» – слово вырвалось у Сикорд прежде, чем она успела его обдумать. Она вскочила. «Я не могу поехать туда! Это же… это же краю света!»

Впервые с момента их прибытия в кабинет Риата Стар пошевелился. Он медленно повернулся. Его лицо было невозмутимым, но в глазах горел холодный огонь.

«Ваши желания больше не имеют значения, мисс Вальсер, – произнес он тихо. – Так же, как и мои. Отныне мы – инструмент. Инструмент, который будет использован по назначению. Вы хотели прикоснуться к настоящему делу? Поздравляю. Вы получили свой шанс».

В его словах не было злорадства. Была лишь бездна усталости и принятия неизбежного. Это заставило ее замолчать сильнее, чем крик.

«Срок контракта – сто дней, – продолжил лорд Каэлен, просматривая пергамент. – За это время вы должны выполнить его условия. Ваш статус на заставе будет определен генералом. Рекомендую, – он снова посмотрел на Сикорд, – проявить покорность и старание. Север не терпит барства».

Сто дней. Целая вечность в том ледяном аду, о котором она слышала лишь страшные истории. Рядом с человеком, который ее ненавидел.

«Когда?» – единственное слово, которое она смогла выжать из себя.

«Завтра на рассвете, – ответил Каэлен. – Конвой уже готов. Вам следует собрать вещи. Практичные. Теплые. – Он с легкой брезгливостью окинул взглядом ее изящное платье. – Ваши учебные принадлежности и книги по дипломатии, разумеется, могут сопровождать вас. Возможно, они пригодятся для составления отчетов».

Отчетов. Ей показалось, что она сходит с ума. Ее жизнь свелась к отчетам и ста дням в волчьем логове.

Ректор смотрел на нее, и в его глазах стояла такая беспомощность и боль, что Сикорд отвернулась. Ей нечего было ждать от него. Его власть оказалась призрачной перед лицом военного совета и древней магии.

«Все решено, – констатировал лорд Каэлен, складывая бумаги. – Генерал, мисс. Вам предстоит долгий путь. Совет ожидает результатов».

Он встал и вышел, оставив в кабинете тяжелое молчание.

Риата посмотрел на Сикорд. Впервые его взгляд был лишен ненависти. В нем было лишь отстраненное наблюдение.

«Идите собираться, – сказал он. – Завтра в пятом часу утра я зайду за вами. Не опаздывайте».

Он вышел следом за Каэленом, не оглядываясь. И Сикорд снова почувствовала это странное тянущее ощущение, когда расстояние между ними увеличилось. Оно было слабым, почти призрачным, но неумолимым, как течение реки, уносящее ее от всего, что она знала и любила.

Она осталась одна с дядей. Он протянул к ней руки, его глаза блестели.

«Сикорд, дитя мое… я сделаю все, что в моих силах…»

Но она уже не слушала. Она смотрела в окно, где солнце освещало знакомые до боли очертания Академии. Завтра все это исчезнет. Ее ждали только ветер, холод и неумолимый взгляд янтарных глаз.

Глава 5. Прощание с шелком

Комната, которая еще утром казалась воплощением уюта и безопасности, теперь выглядела чужой. Бархатные портьеры, мягкий ковер, изящный туалетный столик с зеркалом в резной раме – все это превратилось в декорации к пьесе, которая для Сикорд закончилась.

Она стояла посреди комнаты, не в силах сдвинуться с места. Оцепенение медленно отпускало, сменяясь леденящим ужасом, который подползал к горлу, сжимая его. Сто дней. Северная застава. Генерал Стар.

В дверь снова постучали. На пороге стояла Лира, ее глаза были красными от слез.

«Мисс… мне приказали помочь вам собраться», – прошептала она.

Слово «приказали» больно кольнуло Сикорд. Теперь и для Лиры она была не просто мисс Сикорд, а проблемой, которую нужно решить.

«Что… что мне брать?» – растерянно спросила Сикорд, оглядывая свой гардероб, ломящийся от платьев, шелков и бархата.

Лира, стараясь не смотреть ей в глаза, подошла к комоду и вытащила небольшой дорожный сундук, который Сикорд никогда не использовала. Он был простым, из темного дерева, без всяких украшений.

«Они сказали… только самое необходимое. Теплое. Прочное».

Они принялись за работу. Это было похоже на странный, кошмарный ритуал. Лира вытаскивала из шкафов нарядные платья, а Сикорд молча клала их обратно. Ее пальцы скользили по мягкому шелку, по воздушному муслину. Каждое прикосновение было прощанием с частичкой себя.

Вместо этого они складывали в сундук грубые шерстяные носки, плотные юбки из простой ткани, несколько однотонных блуз и тяжелый, некрасивый плащ, подбитый мехом, который ей подарили на случай суровой зимы и который она ни разу не надела. Одежда казалась чужой, пахла нафталином и забвением.

Сикорд подошла к туалетному столику. Флаконы с духами, баночки с кремами, шкатулка с украшениями. Она машинально потянулась к изящной серебряной шпильке – подарку на совершеннолетие.

«Драгоценности, наверное, лучше не брать, мисс, – тихо сказала Лира. – На Севере, говорят, это лишнее…»

Сикорд опустила руку. Она посмотрела на свое отражение в зеркале. Бледное, испуганное личико с огромными глазами. Кукла. Хрупкая фарфоровая кукла, которую везут ломать.

Она резко отвернулась. Ее взгляд упал на книжную полку. Учебники по дипломатии, трактаты по магическому праву, сборники стихов. Она схватила несколько самых толстых томов. Они были тяжелыми, но их вес казался единственной опорой в этом рушащемся мире. Это была ее броня, ее последняя связь с разумом и логикой.

Лира молча наблюдала, как Сикорд с трудом утрамбовывает книги в сундук поверх уродливой одежды.

Когда крышка сундука с грохотом захлопнулась, в комнате воцарилась тишина. Дело было сделано. Ее прежняя жизнь уместилась в один небольшой ящик.

«Я… я принесу вам ужин, мисс», – прошептала Лира и выскользнула из комнаты.

Сикорд осталась одна. Она подошла к окну. Сумерки окрашивали небо в лиловые тона. Где-то там, за горизонтом, лежал Север. Место, которое в ее представлении было белым пятном на карте, населенным дикарями и чудовищами. И теперь она стала частью этого пейзажа.

Она попыталась представить себе генерала Стара в его мире. Не того разгневанного человека из библиотеки, а того, кем он был там, на границе. Воина. Оборотня. Его ярость теперь

казалась ей не просто вспышкой гнева, а частью чего-то большего – может быть, отчаяния человека, который несет неподъемную ношу.

Она почувствовала слабый, далекий отголосок этого отчаяния через их связь. Это было похоже на тихий, непрерывный гул. И в этом не было ненависти к ней. Была лишь усталость. Бесконечная усталость.

Внезапно ее охватила странная решимость. Да, она совершила глупейшую ошибку. Да, ее жизнь перевернулась. Но она не была беспомощной куклой. Она была Сикорд Вальсер, лучшей ученицей Академии. Ее ум – вот ее настоящее оружие. Если на Севере и впрямь есть заговор, то именно ее знания могут помочь его раскрыть. И тогда… тогда она вернется. Не сломленной жертвой, а победительницей.

Эта мысль была слабым огоньком в кромешной тьме, но она ухватилась за нее. Она не позволит этому дикарю, этой магии, этому Северу сломать себя.

В дверь снова постучали. На пороге стоял не слуга с ужином, а сам ректор. Он выглядел постаревшим на десять лет.

«Сикорд… – он вошел и взял ее руки в свои. Они дрожали. – Я договорился. С тобой поедут двое из моих людей. Они будут присматривать за тобой, передавать мне вести».

Она молча кивнула. Она понимала – это все, что он мог сделать.

«Будь осторожна, дитя мое. С этим человеком… не перечь ему понапрасну. Выполни, что нужно, и возвращайся домой».

Он обнял ее, и Сикорд на мгновение прижалась к нему, как в детстве, когда боялась грозы. Но теперь гроза была не за окном, а в ее собственной судьбе.

«Я вернусь, дядя, – сказала она, и ее голос прозвучал удивительно твердо. – Я все исправлю».

Ректор ушел, оставив ее одну с сундуком и новой, хрупкой надеждой. Она подошла к кровати и присела на край. Завтра на рассвете ее ждала дорога в неизвестность. И человек, который был теперь ее тюрьмойром и, возможно, единственным союзником в мире, полном опасностей.

Она погасила свет и легла, уставившись в потолок. Сон не шел. Она прислушивалась к тишине, пытаясь уловить в ней отзвуки далекого Севера. И слабый, чуждый ритм сердца, который теперь бился в такт с ее собственным.

Глава 6. Первая миля

Рассвет застал Сикорд у окна, кутавшуюся в плащ поверх тонкой ночной рубашки. Она не спала. Казалось, само время замедлило ход, растянув ночь в бесконечную пытку ожидания. Когда первые лучи солнца тронули вершины башен Академии, ее сердце сжалось. Час икс настал.

Внизу, у парадного входа, уже стоял конвой. Несколько повозок, десяток всадников в практичной, лишенной блеска амуниции. Это были не парадные гвардейцы, а бойцы. Их позы были расслабленными, но глаза постоянно сканировали окрестности. Суровость этого зрелища окончательно развеяла последние надежды на то, что все это – дурной сон.

Лира помогла ей надеть простое дорожное платье и застегнуть неудобные, но теплые ботинки. Сикорд бросила последний взгляд на свою комнату. Уложенный сундук стоял у двери, как надгробие на могиле ее прежней жизни.

Она спустилась вниз. В холле ее ждал дядя. Его лицо было непроницаемой маской, но в глазах стояла неподдельная боль. Они не стали говорить. Лишние слова были бы лишь обоюдной пыткой. Он просто обнял ее на прощание, и его объятия были до смешного слабыми. Птица улетала из клетки, и сторож мог лишь бессильно наблюдать.

Когда она вышла на улицу, утренний холод обжег ей лицо. И тут она увидела его.

Риата Стар стоял рядом с первой повозкой, обсуждая что-то с одним из офицеров. Он был одет в походную одежду – темные штаны, простую рубаху, поверх которой был надет кожаный доспех без всяких украшений. У его пояса висел тяжелый меч. Он выглядел не как генерал, а как обычный наемник, готовый к долгой и грязной дороге.

Его взгляд скользнул по ней, быстрый и оценивающий. Он кивком указал на повозку. «Садитесь. Мы выезжаем».

Ни приветствия, ни упоминания о вчерашнем дне. Только дело. Сикорд молча подошла к повозке. Это была простая, крытая холстом кибитка с жесткими скамьями внутри. Солдат помог ей забраться. Внутри пахло кожей, деревом и чем-то чужим, возможно, запахом дальних дорог.

Она устроилась у небольшого окошка, откинув полог. Через мгновение тяжелая ступня ступила на подножку, и кибитка накренилась под весом Риаты. Он вошел внутрь, заняв место напротив нее. Пространство сразу же стало казаться крошечным. Он был таким большим, таким физически присутствующим, что воздух как будто сгустился.

Он не смотрел на нее, уставившись в противоположную стену. Но Сикорд чувствовала его так же отчетливо, как если бы он к ней прикасался. Эта связь была теперь постоянным фоном ее сознания – тихий гул чужой воли.

Снаружи раздалась команда, и конвой тронулся. Колеса заскрипели по булыжнику. Сикорд прильнула к окошку, провожая взглядом знакомые улицы, уходящие вдаль шпили Академии. Сердце разрывалось от тоски. Она не знала, вернется ли она сюда когда-нибудь.

Городские стены остались позади. Открылась дорога, уходящая на север, через зеленые холмы и леса. Воздух стал свежее. Для Сикорд, которая редко покидала столицу, это уже было путешествием на край света.

Они ехали молча. Часы тянулись мучительно медленно. Риата, казалось, впал в некое подобие транза – его глаза были полуприкрыты, но она знала, что он не спит. Он был настороже, как дикий зверь на чужой территории.

Чтобы отвлечься, Сикорд открыла одну из своих книг – «Основы дипломатического протокола». Слова расплывались перед глазами. Какое значение имели все эти церемонии и правила этикета там, куда она направлялась?

Она украдкой наблюдала за Риатой. При дневном свете его лицо казалось еще более изрезанным морщинами, каждая из которых рассказывала историю боя, лишения, принятия тяжелого решения. Он был не просто грубым солдатом. В нем была какая-то первозданная сила, глубокая и неукротимая. И она, со своими книжными знаниями, оказалась прикована к этой силе.

К полудню они сделали короткую остановку, чтобы сменить лошадей и дать людям перекусить. Риата вышел, не сказав ей ни слова. Сикорд осталась в повозке, наблюдая, как солдаты разводят костер, как они двигаются с привычной ловкостью. Она чувствовала себя чужеземкой, инопланетянкой, завезенной в этот суровый мир.

Один из солдат, молодой парень с простым лицом, подошел к повозке и протянул ей краюху хлеба и кусок сыра. «Кушайте, мисс. Дорога дальняя».

В его голосе не было ни подобострастия, ни неприязни. Была простая практичность. Она взяла еду и пробормотала «спасибо». Это был первый знак человеческого отношения за весь день.

Когда они тронулись дальше, Сикорд поняла, что голодна. Еда была грубой, не такой, к какой она привыкла, но утоляла голод. Это был еще один маленький шаг в ее новую реальность.

К вечеру пейзаж за окном начал меняться. Холмы стали выше, леса – гуще и темнее. Воздух стал холоднее. Солнце садилось, окрашивая небо в багровые тона, которые показались Сикорд зловещими.

Риата, сидевший напротив, наконец пошевелился. Он посмотрел в окно, и его лицо стало напряженным.

«Мы въезжаем в Приграничье, – произнес он первый раз за много часов. Его голос прозвучал громко в тишине повозки. – Отсюда начинается моя земля. И отсюда начинаются опасности. Не выходите из повозки без моего разрешения».

Сикорд кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Его предупреждение не было угрозой. Оно было констатацией факта. Факта, который она наконец-то начала осознавать в полной мере.

Первая миля ее изгнания подошла к концу. Впереди была только тьма и неизвестность.

Глава 7. Ночь в лесу

Солнце скрылось за гребнями холмов, и тьма накрыла землю стремительно, почти без сумерек. Лес по сторонам дороги превратился в сплошную черную стену. Скрип колес и цокот копыт звучали оглушительно громко в наступившей тишине. Сикорд прижалась к стене повозки, стараясь не смотреть в темноту. Каждая тень за окном казалась ей движущейся.

Риата сидел неподвижно, но его расслабленность исчезла. Он был собран, как пружина. Его глаза, адаптировавшиеся к темноте, казались светящимися точками в полумраке кибитки. Он не сводил взгляда с окон, и Сикорд чувствовала через их связь острое, почти животное напряжение. Это было похоже на тихое жужжание на грани слуха, но исходящее не извне, а изнутри нее самой.

«Мы не доедем до ночлега до рассвета», – внезапно произнес он, не глядя на нее. Его голос был низким и глухим. «Будем стоять лагерем впереди, на старой заставе».

Сикорд только кивнула, боясь, что голос выдаст ее страх. Ночь в лесу. Вне стен. Раньше это казалось бы романтичным приключением. Теперь это было испытанием.

Через полчаса повозка свернула с основной дороги на узкую, заросшую колею и вскоре остановилась на небольшой поляне, окруженной со всех сторон исполинскими соснами. Посреди поляны стояло полуразрушенное каменное здание с провалившейся крышей – та самая старая застава.

Риата вышел первым, откинув полог. Ночной воздух ворвался внутрь, холодный и влажный, пахнущий хвоей и прелой листвой. Сикорд невольно вздрогнула.

«Выходите», – бросил он ей через плечо и ушел отдавать распоряжения солдатам.

Сикорд с трудом выбралась из повозки. Ее ноги затекли от долгого сидения. Она огляделась. Солдаты уже действовали с привычной сноровкой: разводили костер, расседлывали лошадей, выставляли посты. Все движения были выверенными, экономными. Никакой суеты.

Никто не обращал на нее особого внимания. Она была частью багажа генерала. Нежеланным, но необходимым грузом.

Риата указал ей на каменную стену уцелевшей части здания. «Сидите здесь. Не отходите от огня».

Она послушно подошла к костру и присела на валун, протянув озябшие руки к пламени. Жар обжег кожу, но был невероятно приятен. Она наблюдала, как Риата обошел периметр, поговорил с часовыми, его тень, отбрасываемая огнем, казалась огромной и зловещей. Он был здесь своим. Частью этого мрачного пейзажа.

Через некоторое время он вернулся к костру и сел напротив нее, положив на колто меч. Он достал из походной сумки кусок вяленого мяса и начал есть, не предлагая ей. Сикорд вспомнила о своих припасах, но ей было не до еды. Страх сжимал желудок.

Ночь вокруг была живой. В темноте за пределами круга света слышался шелест, потрескивание веток, далекие, незнакомые звуки. Каждый из них заставлял ее вздрагивать.

«Это звери, – вдруг сказал Риата, не глядя на нее. – Обычные звери. Боятся огня и людей».

«А… а бывают необычные?» – выдохнула она.

Он медленно перевел на нее свой взгляд. В отсветах пламени его лицо казалось высеченным из камня.

«Бывают. Но сегодня ночью их нет. Я бы почувствовал».

Его уверенность должна была бы успокоить, но лишь подчеркивала пропасть между ними. Он *чувствовал* лес. Она же была в нем глухой и слепой.

Они снова замолчали. Сикорд уставилась на огонь, пытаясь заглушить внутреннюю дрожь. Она чувствовала его взгляд на себе. Внимательный, изучающий.

«Почему вы это сделали?» – спросил он вдруг. Вопрос прозвучал не как обвинение, а с неподдельным, почти клиническим любопытством.

Сикорд сглотнула. «Я уже говорила. Это была глупая шутка. Я хотела… поставить вас в неловкое положение. Заставить сказать что-то лишнее».

«Вы ненавидели меня так сильно?»

Она задумалась. Ненавидела? Нет. Он был ей неприятен. Чужероден. Он олицетворял все, что пугало ее в мире за стенами Академии. Но ненависть? Для нее требовались слишком сильные эмоции.

«Я вас боялась, – тихо призналась она. – И ваше пренебрежение… оно задело меня. Я привыкла, что мое слово имеет вес».

Он хмыкнул. Звук был коротким и сухим. «На Севере вес имеет только сила. Физическая или воли. Ваши слова ничего не значат, пока за ними не стоит готовность умереть за них».

Его слова повисли в воздухе, тяжелые и бескомпромиссные. Сикорд посмотрела на его руки, покрытые шрамами. Каждый шрам был историей. Историей, где ставкой была жизнь.

«А вы готовы умереть?» – спросила она, сама удивившись своей смелости.

Риата посмотрел на огонь. «Я готов умирать каждый день. Это моя работа. Но не ради красивых слов. Ради тех, кто доверил мне свою жизнь». Он кивком указал в сторону солдат. «Ради них».

Впервые за весь день он сказал что-то, что не было направлено против нее. Он говорил о своей ответственности. И в этом не было ни капли хвастовства. Только факт.

Внезапно где-то в лесу раздался протяжный, леденящий душу вой. Сикорд вздрогнула и инстинктивно прижалась к стене.

Риата даже не пошевелился. «Волк. Один. Он далеко. Предупреждает стаю о нашем присутствии».

«А вы… вы можете так же?» – прошептала она.

Он медленно повернул к ней голову. В его глазах на мгновение вспыхнул тот самый желтый огонь, который она видела в библиотеке.

«Я могу гораздо больше, мисс Вальсер, – тихо сказал он. – Но я не зверь, который воет на луну по первому зову инстинкта».

Он встал. «Спите. Завтра будет тяжелый день». Он отошел к группе солдат, оставив ее одну у костра.

Сикорд сидела, обхватив колени, и смотрела на огонь. Страх никуда не делся. Но к нему добавилось что-то еще – странное, щемящее любопытство. Кем был этот человек на самом деле? Воином? Монстром? Лидером, несущим крест своей ответственности?

Она прислушалась к их связи. Ярости почти не осталось. Была усталость. Бдительность. И что-то еще… что-то похожее на сожаление. Не о своей судьбе, а о чем-то другом. О чем-то, что он потерял очень давно.

Она закрыла глаза, пытаясь уснуть. Но в ушах у нее все еще звучал тот далекий волчий вой. И тихий, ровный гул присутствия Риаты Стар, который теперь был неотъемлемой частью ее самой.

Глава 8. Урок бдительности

Солнце едва коснулось вершин деревьев, когда лагерь начал оживать. Сикорд дремала, сидя у стены, укутавшись в плащ, когда грубый толчок в плечо заставил ее вздрогнуть и открыть глаза.

«Подъем. Через полчаса выезжаем».

Над ней стоял Риата. В сером свете зари его лицо казалось вырезанным из гранита, без тени усталости или сомнений. Он уже был готов в путь, его доспех застегнут, меч на поясе.

Сикорд с трудом поднялась. Все тело ныло от неудобной позы и ночного холода. Она чувствовала себя разбитой, несмотря на короткий сон. Риата, казалось, не нуждался в отдыхе вовсе. По их связи она улавливала лишь ровный, мощный поток энергии, как будто он подпитывался самой предрассветной прохладой.

Она потянулась к своему сундуку у повозки, чтобы достать воду и хоть как-то привести себя в порядок. Пока она возилась с застежкой, мимо прошел один из солдат, неся к потухающему костру охапку хвороста. Он бросил на нее беглый, ничего не выражающий взгляд и прошел дальше. Она была для них невидимкой. Или обузой.

Риата наблюдал за разбором лагеря, отдавая тихие, четкие распоряжения. Его люди работали молча и эффективно. Никаких лишних движений, никаких разговоров. Это была хорошо смазанная машина, а он – ее мозг и воля.

«Поешьте», – сказал он, подходя к ней и протягивая ту же краюху хлеба и кусок сыра, что и вчера. Завтрак победителя. Сикорд молча взяла еду. Гордость была роскошью, которую она не могла себе позволить.

Когда она делала первый надкус, Риата внезапно резко обернулся, взгляд его устремился вглубь леса, на восток. Все его тело напряглось. Солдаты тоже замерли, руки сами потянулись к оружию.

«Что-то не так?» – прошептала Сикорд, сердце ее заколотилось.

Он не ответил, лишь поднял руку, приказывая сохранять тишину. Его ноздри расширились, словно он ловил запах. Сикорд тоже попыталась прислушаться, но слышала лишь пение птиц и шелест листьев.

«Тише, – его голос был едва слышен. – Не двигайтесь».

Прошла минута. Две. Ничего не происходило. Сикорд уже начала думать, что он ошибся, как вдруг из чащи, метрах в пятидесяти от них, выпорхнула стайка птиц, с тревожными криками уносясь в небо.

Риата медленно выдохнул и опустил руку. «Все в порядке. Прошел слишком близко к логову лисицы. Она спугнула птиц».

Напряжение спало. Солдаты продолжили работу, но теперь в их движениях читалась повышенная осторожность.

«Как вы…?» – начала Сикорд.

«Я их не услышал, – прервал он ее, все еще глядя в ту сторону. – Я почувствовал. Запах страха. Птицы почуяли лисицу раньше, чем та решилась напасть. Их испуг… он витает в воздухе. Как эхо».

Он наконец посмотрел на нее, и в его взгляде читался не упрек, а нечто иное. Почти педагогический интерес. «Вам нужно научиться чувствовать мир, а не просто видеть его. Здесь ваши глаза вас подведут. Ваши уши – тоже. Доверяйте только инстинкту. И тому, что говорят вам другие живые существа. Они никогда не ошибаются».

Это был ее первый урок. Не по дипломатии или магии, а по выживанию. И он был страшнее любого экзамена.

Вскоре конвой тронулся. Дорога стала еще уже и круче. Лес смыкался над их головами, создавая зеленый туннель. Сикорд уже не смотрела по сторонам с тоской, а вглядывалась в чащу, пытаясь уловить то, что чувствовал он. Она прислушивалась к пению птиц, пытаясь различить в нем нотки тревоги. Вдыхала воздух, стараясь уловить посторонние запахи. Это было бесполезно. Она была слепа и глуха.

В полдень они снова остановились у ручья, чтобы напоить лошадей. Риата разрешил ей выйти из повозки. Она подошла к воде и наклонилась, чтобы умыться. Ледяная влага обожгла лицо, но освежила.

Внезапно она почувствовала легкое головокружение и странное покалывание в висках. Она инстинктивно обернулась. Риата стоял в нескольких шагах, наблюдая за ней. На его лице было странное выражение – не гнев, не неприязнь, а глубокая задумчивость.

«Что?» – спросила она, снова ощущая себя подопытным кроликом.

«Связь, – произнес он. – Когда расстояние увеличивается… я чувствую легкое напряжение. Как натянутую струну. А вы?»

Сикорд кивнула. Она тоже это чувствовала. Небольшой дискомфорт, который усиливался, если они отдалялись друг от друга больше чем на двадцать-тридцать шагов.

«Любопытно, – сказал он больше для себя, чем для нее. – Магия следует физическим законам. Есть дистанция комфорта и дистанция боли. Это нужно иметь в виду».

Он подошел ближе, и напряжение ослабло. Они стояли рядом у ручья, и Сикорд в очередной раз поразилась контрасту между ними. Он – воплощение грубой силы и дикой природы, она – изнеженное создание из мира книг и церемоний. И пока, они были связаны на самом фундаментальном уровне.

«Мы будем там к вечеру», – сказал он, глядя на воду. – «Готовьтесь. Застава – не дворец. Там нет места вашим привычкам».

«Я понимаю», – ответила она, и в этот раз в ее голосе не было вызова, лишь усталое принятие.

Он кивнул и отошел, чтобы проверить лошадей. Сикорд осталась у ручья, глядя на свое отражение в воде. Оно было бледным и испуганным. Но где-то в глубине глаз уже читалась решимость. Решимость не сломаться. Решимость выучить его уроки, какими бы суровыми они ни были.

Она повернулась и пошла обратно к повозке, чувствуя, как невидимая нить натягивается, а затем снова ослабевает, когда он приближался. Это была ее новая реальность. Реальность, в которой ее самым главным компасом был человек, который, казалось, ненавидел все, что она олицетворяла.

Глава 9. Врата льда

Дорога вилась все выше, воздух становился тоньше и холоднее. Снег, сначала редкими пятнами, а затем сплошным белым ковром, лег на землю. Сосны сменились низкорослыми, корявыми елями, согнувшимися под тяжестью зимних бурь. Сикорд куталась в свой плащ, но ледяная сырость проникала сквозь ткань, заставляя ее зубы стучать. Она никогда не чувствовала такого холода. Он был живым, впивающимся в кости.

Риата, сидевший напротив, казалось, не замечал перепада температур. Его дыхание не складывалось в облачко пара, как у нее. Он смотрел в окно, и его лицо, обычно непроницаемое, выражало странную смесь – суровую готовность и что-то, отдаленно напоминающее облегчение. Он возвращался домой.

Впереди, в разрыве между холмами, показалась серая полоса – стена. Не стена столицы, украшенная барельефами, а грубая, сложенная из гигантских, неотесанных камней громада. За ней угадывались очертания башен, угрюмых и функциональных. Это была не крепость, а гигантский волчий зуб, впившийся в склон горы.

«Крайняя Застава», – произнес Риата, не глядя на нее. В его голосе не было ни гордости, ни презрения. Была лишь констатация факта.

Сердце Сикорд упало. Место выглядело безжизненным и враждебным. Ничего зеленого, ничего теплого. Только камень, лед и свинцовое небо.

Когда они подъехали к массивным деревянным воротам, обитым железом, с них окликнула стража. Риата высунулся из повозки, и часовые, узнав его, отсалютовали с той же молчаливой эффективностью, что и солдаты в конвое. Ворота с скрипом отворились, впуская их во внутренний двор.

Повозка остановилась. Риата вышел первым. Сикорд, дрожа от холода и нервного напряжения, последовала за ним.

Ее первым впечатлением был шум. Не городской гул, а лязг металла, скрип колес, отрывистые команды, грубый смех. Воздух пах дымом, потом лошадей и чем-то еще – железом и влажной шерстью. Двор был заполнен людьми – солдатами в потертых мундирах, кузнецами у наковален, конюхами. Все они на мгновение замерли, уставившись на нее. Их взгляды были откровенно любопытными, оценивающими, а в некоторых читалось откровенное неодобрение.

Она стояла, чувствуя себя абсолютно чужой, как бабочка, залетевшая в кузницу. Ее изящное платье, ее бледное, испуганное личико – все здесь было неправильным.

Риата, казалось, не обращал на это внимания. Он бросил короткую команду одному из солдат относительно разгрузки повозки, затем повернулся к ней.

«Идемте».

Он повел ее через двор к главному зданию крепости – массивному каменному блоку с узкими, похожими на бойницы окнами. Войдя внутрь, Сикорд оказалась в длинном, слабо освещенном коридоре. Воздух здесь был немного теплее, но пах пылью, старым деревом и вареной похлебкой.

Он открыл одну из многочисленных одинаковых дверей и жестом пригласил ее войти.

Комната была крошечной. В ней помещалась лишь узкая кровать с грубым шерстяным одеялом, простой деревянный стул и маленький стол. В углу тлели несколько углей в небольшом камине, едва отгоняя ледяной холод. Ни ковра, ни занавесок, ни единого намека на уют.

«Ваши апартаменты, – сказал Риата. – Туалет – в конце коридора. Воду принесут. Обед в общей столовой через час. Не опаздывайте».

Он повернулся, чтобы уйти.

«Постойте!» – вырвалось у Сикорд. Голос ее дрожал. «И… и это все?»

Он остановился на пороге и медленно обернулся. Его взгляд скользнул по голым стенам, по жалкому огоньку в камине.

«Что именно «все», мисс Вальсер?» – спросил он с искренним, почти пугающим недоумением.

«Мебель… Удобства… Где я буду мыться? Где готовиться к работе?»

Риата смотрел на нее так, будто она говорила на неизвестном языке. Затем на его лице появилось понимание, смешанное с легким презрением.

«Вы не на курорте. Вы на военной заставе на краю цивилизации. Эта комната – роскошь по нашим меркам. У большинства солдат – общие казармы. Что касается работы… – он усмехнулся. – Ваша работа начнется, когда я решу, что вы к ней готовы. А пока – осваивайтесь. И запомните главное правило: здесь каждый зарабатывает свое место. Никто не будет носить вам еду на серебряном подносе только за вашу улыбку».

Он вышел, захлопнув за собой дверь. Звук щелкнувшего засова прозвучал для Сикорд громче любого грома. Она была в заточении. В ледяной, безжалостной тюрьме.

Она медленно опустилась на кровать. Доски под тонким матрасом прогнулись, заскрипели. Она провела рукой по одеялу – оно было колючим и пахло дымом.

Снаружи доносились звуки жизни заставы – гул голосов, шаги. Но здесь, в этой комнате, царила мертвая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием углей. Она обхватила себя руками, пытаясь согреться. Холод был не только снаружи. Он был внутри. Это был холод одиночества и полного крушения всех надежд.

Она закрыла глаза, и перед ней всплыл образ солнечной библиотеки Академии, смех подруг, заботливое лицо дяди. Это был другой мир. Мир, который, казалось, отделяла от нее не просто растояние, но целая вечность.

Из глубины души поднялась паника, слепая и всепоглощающая. Она хотела кричать, биться в истерике, стучать в дверь и требовать, чтобы ее отпустили.

Но она не сделала этого. Вместо этого она сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль вернула ее к реальности.

Он был прав. Здесь ее улыбка ничего не стоила. Здесь ценилась только сила воли. И она должна была найти ее в себе. Прямо сейчас.

Она подошла к своему сундуку, стоявшему в углу, и открыла его. Поверх уродливой одежды лежали книги. Тяжелые, неуместные здесь фолианты. Она взяла самый верхний – «Основы дипломатического протокола». Книга была холодной на ощупь.

Она положила ее на стол. Это был ее якорь. Ее заявление о том, что она еще не сдалась.

Потом она достала самое теплое из своих безобразных платьев и начала переодеваться. Действие было простым, почти механическим, но оно знаменовало собой начало. Начало ее новой жизни. Жизни, в которой ей предстояло либо сломаться, либо стать сильнее.

Глава 10. Первый ужин

Скрип шагов за дверью заставил Сикорд вздрогнуть. Час, данный ей на освоение, истек. Она сидела на краю кровати, облаченная в грубую шерстяную одежду, которая казалась ей мешком и нещадно колола кожу. Запах дыма, въевшийся в ткань, стоял в ноздрях постоянным напоминанием о новом статусе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.